

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37

Научная статья / Research paper

А.К. Бобров*

«ДОКТРИНА КИССИНДЖЕРА»: ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА «РОССИЯ — КИТАЙ — США» В 1970–2020-Е ГОДЫ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

Предложенная Г. Киссинджером в годы холодной войны концепция «треугольной дипломатии» констатировала особое качество отношений между США, СССР и КНР и была призвана создать такую конфигурацию сил, при которой Вашингтон всегда имел бы стратегическое преимущество, играя на противоречиях между оставшимися вершинами стратегического треугольника. В современных условиях взаимодействие в новом стратегическом треугольнике — «Россия — Китай — США» — приобретает особое значение в процессе трансформации системы международных отношений, формирования полицентричного мирового порядка. Автор выдвигает гипотезу, что с приходом к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа создаются предпосылки для обретения «доктриной Киссинджера» качественно нового содержательного наполнения, при котором именно Москва может выступить балансиrom в конфигурации «Россия — КНР — США». Для того чтобы обосновать эту гипотезу, в данной статье предпринята попытка выявить ключевые этапы и детерминанты эволюции «треугольника Киссинджера» с 1970-х годов до сегодняшнего дня. Показано, что если в годы холодной войны именно США выступали бенефициаром в этом трехстороннем взаимодействии, то уже в постбиполярный период эта роль, хотя и с некоторыми оговорками, стала переходить к Китаю, получавшему дивиденды от сотрудничества с Россией и США при постепенной деградации двусторонних отношений Москвы и Вашингтона. Однако

* Бобров Александр Кириллович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель направления дипломатических исследований Института стратегических исследований и прогнозов РУДН (e-mail: a.k.bobrov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7055-3805).

в современных условиях прослеживается тенденция к тому, что уже Россия может стать «балансиром» данной структуры. В пользу этого заключения говорят следующие тенденции: 1) формирование в целом благоприятного фона по итогам российско-американских переговоров на высшем уровне; 2) высокий потенциал российско-китайского сотрудничества, общность позиций двух стран по широкому кругу вопросов международной повестки; 3) активизация политики Д. Трампа по сдерживанию Китая. В совокупности эти тенденции могут открыть перед Москвой новые возможности для укрепления своих международных позиций, включая разрешение «украинского кризиса» и восстановление диалога по вопросам контроля над ядерными вооружениями.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, стратегический треугольник, «треугольная дипломатия», баланс сил, российско-китайские отношения, российско-американские отношения, американо-китайские отношения, Г. Киссинджер

Для цитирования: Бобров А.К. «Доктрина Киссинджера»: трансформация стратегического треугольника «Россия — Китай — США» в 1970–2020-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 12–37. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37.

Alexander K. Bobrov

**KISSINGER DOCTRINE:
THE TRANSFORMATION OF RUSSIA-CHINA-U.S.
STRATEGIC TRIANGLE
FROM THE 1970S TO THE 2020S**

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198*

The concept of 'triangular diplomacy', introduced by Henry Kissinger during the Cold War, acknowledged the specific character of relations between the United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China. It was designed to establish such a balance of power that the USA would consistently maintain a strategic advantage by exploiting the differences between the other two vertices of the strategic triangle. In contemporary conditions, the interaction within the new Russia–U.S.–China strategic triangle acquired particular significance given the reconfiguration of international relations and the shaping of a polycentric world order. The author posits that the reinstatement of President Trump in 2025

may give a qualitatively new meaning to the 'Kissinger Doctrine', with Moscow potentially acting as the counterweight within the Russia–China–U.S. configuration. To substantiate this hypothesis, this study identifies the key stages and determinants in the evolution of the 'Kissinger's triangle' from the 1970s onward. It demonstrates that while the USA was the primary beneficiary of this trilateral dynamic during the Cold War, this balance gradually shifted to the advantage of China during the post-bipolar period, albeit with some reservations. The latter benefited from its cooperation with both Russia and the United States as their bilateral relations were steadily deteriorating. However, current developments indicate that Russia may now be poised to become the 'counterbalance' within this framework. The following factors support this conclusion: (1) a generally favorable background following the high-level Russian-American negotiations; (2) the significant potential of Russian-Chinese cooperation and convergence of the two countries' positions on a wide range of international issues; and (3) the intensification of D. Trump's efforts to contain China. Together, these factors could create new opportunities for Moscow to strengthen its international standing, including resolving the Ukrainian crisis and restoring the dialogue on nuclear arms control.

Keywords: Russia, USA, China, strategic triangle, 'triangular diplomacy', balance of power, Sino-Russian relations, U.S.-Russia relations, Sino-American relations, Henry Kissinger

About the author: Alexander K. Bobrov — PhD (History), Associate Professor, Head of Diplomatic Branch, Institute for Strategic Studies and Forecast, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (e-mail: a.k.bobrov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7055-3805).

For citation: Bobrov A.K. 2025. Kissinger doctrine: The transformation of Russia-China-U.S. strategic triangle from the 1970s to the 2020s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 12–37. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-3-12-37. (In Russ.)

Одним из концептуальных геополитических «изобретений» Генри Киссинджера является «треугольная дипломатия» (*'triangular diplomacy'*), подразумевающая использование отношений с одной страной в качестве рычага воздействия на другую. В треугольнике «США — СССР — Китай» она была призвана создать такую конфигурацию сил, при которой Вашингтон всегда имел бы стратегическое преимущество, поддерживая более благоприятные отношения с обеими другими сторонами, чем они сами между собой [Kissinger, 1979].

В 1970-е годы США действительно смогли сформировать выгодный для себя баланс сил внутри упомянутого треугольника. Однако его последующие версии оказались менее успешными для Вашингтона [Панов, 2023]. Начиная с 2010-х годов отношения России и США пошли по нисходящей, в то время как Москва и Пекин, напротив, к 2020 г. достигли лучшего за всю историю уровня двустороннего взаимодействия¹. Одновременно с этим стали проявляться и негативные тенденции в американо-китайских отношениях. В этом контексте и с приходом к власти в США в 2025 г. Дональда Трампа создаются предпосылки для обретения «доктриной Киссинджера» качественно нового содержательного наполнения, при котором именно Москва может выступить балансиром в конфигурации «Россия — КНР — США».

Для того чтобы обосновать эту гипотезу, представляется необходимым выявить ключевые этапы и детерминанты эволюции «треугольника Киссинджера» с 1970-х годов до сегодняшнего дня. В данной статье предлагается с помощью качественного анализа проследить изменения в соответствующих доктринальных документах сторон, оценить характер торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества и рассмотреть трансформацию инструментов дипломатического сопровождения внешнеполитической деятельности. Анализ отмеченных аспектов позволит сформировать комплексное представление о развитии взаимодействия в треугольнике «Москва — Пекин — Вашингтон» на современном этапе.

Исследование проводилось в рамках системного подхода к изучению международных отношений, который сформировался в Лаборатории прикладного анализа международных проблем (ЛАМП) МГИМО МИД России в 1970-е годы и был впоследствии разработан в трудах М.А. Хрусталёва и А.Д. Богатурова [Богатуров, 2017]. В соответствии с принципами данного подхода анализ эволюции комплексных взаимосвязей в системе межгосударственных взаимодействий, в том числе в рамках двусторонних отношений между странами, предполагает одновременное изучение влияния отдельных держав и факторов внешней среды. Особенно эффек-

¹ Денисов А.И. Нынешние российско-китайские отношения — лучшие за всю их историю // Российский совет по международным делам (РСМД). 03.03.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nyneshnie-rossii-sko-kitaiskie-otnosheniya-luchshie-za-vsyu-ikh-istoriyu/> (дата обращения: 10.10.2025).

тивным представляется использование указанного подхода для анализа треугольных конструкций в постбиполярной системе международных отношений [Богатуров, 1997].

Осмыслению динамики взаимодействия внутри стратегического треугольника «Россия — Китай — США» посвящен внушительный блок специальной литературы. Теоретические аспекты треугольного взаимодействия рассматривали Д.А. Дегтерёв, М.С. Рамич, Л. Диттмер [Дегтерёв, Рамич, 2021; Dittmer, 1981]. Вместе с тем в их трудах изучаемый нами треугольник выступает не столько в качестве объекта исследования *per se*, сколько как иллюстративный пример для подтверждения предлагаемых авторами теоретических выкладок. В этой связи для целей нашей статьи представляется предпочтительным упомянутый ранее системный подход А.Д. Богатурова и М.А. Хрусталёва: в предлагаемой ими парадигме принимаются во внимание не только общие мир-системные связи, но и региональная специфика, имеющая особую важность для изучения политики стран Востока. Успешность данной стратегии подтверждена в работах Т.А. Шаклеиной, где затрагиваются проблемы структуризации отношений между Россией, Китаем и США, в том числе рост порядкоформирующей активности со стороны Москвы и Пекина, сближение их усилий в строительстве основ мирового порядка, неприятие ими так называемого либерального мирового порядка, основанного на западных ценностях и институтах [Россия и США в XXI веке..., 2020; Шаклеина, 2020].

Основной корпус исследований посвящен влиянию фактора безопасности на взаимодействие Москвы, Вашингтона и Пекина [Воробьёва, Юнгблюд, 2019; The strategic triangle..., 1987]. При этом акцент (в силу открытости политического процесса и принятия решений для СМИ и публики) традиционно делается на американской «вершине» треугольника; например, в работах А.Д. Богатурова подчеркивается позиция американского истеблишмента в отношении нежелания Китая встраиваться в диалог по контролю над вооружениями, несмотря на рост его арсеналов [Богатуров, 1997, 2021]. Число работ, посвященных китайской «вершине», значительно меньше [см., например: Воскресенский, 2019], и обычно они сконцентрированы на проблематике роста мощи КНР и ее влияния на страны Глобального Юга через призму упомянутого треугольника [Треугольник Россия — Китай — США в АТР..., 2009]. В работах китайских исследователей упор делается на возможное сближение России и Китая

в контексте взаимоотношений трех стран и реакцию Вашингтона на создание союза между Москвой и Пекином [Хуашэн, 2019].

В настоящей статье автор стремится актуализировать представленные концепции и рассмотреть их эволюцию в преломлении текущего состояния международных отношений, включая смену американской администрации в 2025 г., а также дать прогноз дальнейшего развития взаимодействия внутри этого стратегического треугольника.

Складывание стратегического треугольника «США — СССР — Китай»

Углублявшийся в 1970-х годах китайско-советский раскол и параллельное возвышение Китая в качестве одной из мировых держав предоставляли администрации Р. Никсона возможность установить такие отношения с КНР, при которых она бы являлась противовесом Советскому Союзу и могла бы обеспечить дополнительные рычаги давления на Москву для получения уступок [см. подробнее: Согрин, 2015].

Важной составляющей китайско-американских отношений в «треугольнике Киссинджера» была поддержка Вашингтоном Китая в его противостоянии с Советским Союзом (например, в рамках вооруженного конфликта 1–2 марта 1969 г., когда около 300 китайских военных по льду р. Уссури тайно пересекли границу СССР и заняли замаскированные позиции на о. Даманский, за чем последовали кровопролитные столкновения, в результате которых противостояние могло перерасти в большую, в том числе и ядерную, войну [см. подробнее: Печатнов, Маныкин, 2016]). Подобный рост напряженности в советско-китайских отношениях играл на руку Вашингтону.

Одновременно с этим тема большой войны между СССР и самими США в начале 1970-х годов была уже снята с повестки дня². И если в китайско-советском сотрудничестве наступил кризис, который сопровождался расколом в международном коммунистическом движении и превращением Пекина в идеологического и геополитического соперника СССР, то отношения Москвы и Вашингтона как раз в на-

² Юргенс И.Ю. О китайском маневре Генри Киссинджера // РСМД. 16.07.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-kitayskom-manevre-genri-kissindzhera/> (дата обращения: 10.10.2025).

чале и в первой половине 1970-х годов вступили в период «разрядки» [см. подробнее: Печатнов, 2020]. В этом контексте Г. Киссинджер подчеркивал, что изначально стратегия администрации Р. Никсона в рамках трехсторонней дипломатии состояла в развитии диалога с Китаем ради самого диалога, который, однако, мог одновременно служить и противовесом в отношениях с СССР [Kissinger, 2011].

Залогом успеха этого курса должно было стать одновременное поддержание такого уровня взаимодействия с Китаем и СССР, которое было бы более стабильным, чем двусторонние связи между Москвой и Пекином. Однако нормализация не исключала и демонстрацию силы: сближение с Советами не удержало США от массированных «рождественских бомбардировок» в 1972 г. порта Хайфон в Северном Вьетнаме, через который СССР поставлял товары и технику в страну, а улучшение отношений с Китаем не мешало углублению сотрудничества Вашингтона с Тайбэем [см. подробнее: Трофименко, 1976].

В рамках подготовки визита Р. Никсона в КНР Г. Киссинджер инициировал «пинг-понговую дипломатию». Она подразумевала организацию серии игр в настольный теннис в 1971–1972 гг., в рамках которых состоялся первый визит американских граждан в материковый Китай с 1949 г.

Подтверждением успеха трехсторонней дипломатии Г. Киссинджера стал Московский саммит в мае 1972 г. Обе стороны выказали интерес к его проведению именно после нормализации отношений между США и КНР, совпавшей с активной фазой китайско-советского кризиса [см. подробнее: Пупышев, Райкова, 2020].

Этому предшествовало активное лоббирование американцами передачи места в ООН от Тайваня (режима Чан Кайши) материковому Китаю в 1971 г. Генеральная Ассамблея организации приняла резолюцию 2758, провозгласившую Китайскую Народную Республику единственным законным членом ООН и одним из пяти постоянных участников Совета Безопасности³. Необходимо отметить, что ранее, начиная с 1950 г., США систематически голосовали против членства КНР в ООН [см. подробнее: Lyon, 2016].

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций», 25 октября 1971 г. // Система официальной документации ООН. Доступ: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/330/82/img/nr033082.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.10.2025).

В 1979 г. были установлены официальные дипломатические отношения между Пекином и Вашингтоном, что также ознаменовало новый этап во взаимодействии двух стран. Активизировалось сотрудничество как в культурной (массовая отправка китайских студентов на учебу в вузы США), так и в военно-технической сферах. В частности, Вашингтон предоставлял данные о советской военной инфраструктуре, экспортировал военную технику [см. подробнее: Ross, 1991].

В отношении культурно-гуманитарных обменов показателен ответ американского президента Дж. Картера на запрос китайского руководства отправить на учебу в США примерно 5 тыс. китайцев. Американский лидер с воодушевлением отметил, что Китай может направить «100 тысяч», желая подчеркнуть серьезный настрой на сближение с Пекином⁴.

Со своей стороны китайская дипломатия периодически поддерживала США по отдельным вопросам относительно действий СССР. Так, Пекин вместе с Вашингтоном выступил с осуждением ввода советских войск в Афганистан в 1979 г., а китайская и американская спортивные сборные бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве [см. подробнее: Воробьева, Юнгблуд, 2019].

Г. Киссинджер так описывал баланс сил внутри треугольника «США — СССР — Китай»: «В течение последующих 15 лет мы должны склоняться в сторону китайцев против русских. Мы должны играть в эту игру баланса сил совершенно бесстрастно. Прямо сейчас нам нужно, чтобы китайцы исправили и дисциплинировали русских»⁵. Иными словами, и Р. Никсон, и Г. Киссинджер пришли к выводу о том, что на смену биполярной конфронтации между США и СССР должна прийти трехсторонняя дипломатия.

Таким образом, «доктрина Киссинджера» действительно принесла США свои плоды. Вашингтон улучшил отношения с двумя

⁴ Carter J. What can the U.S. and China do together? // The Carter Center. Available at: https://www.cartercenter.org/news/editorials_speeches/jc-what-us-china-can-do-together.html (accessed: 10.10.2025).

⁵ «For the next 15 years we have to lean toward the Chinese against the Russians. We have to play this balance of power game totally unemotionally. Right now, we need the Chinese to correct the Russians, and to discipline the Russians». Foreign relations of the United States, 1969–1976, Vol. I: Foundations of foreign policy // U.S. Department of State (2001–2009). Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/frus/nixon/i/21100.htm> (accessed: 10.10.2025).

главными идеологическими оппонентами, в результате чего в 1972 г. состоялись судьбоносные встречи на высшем уровне руководства США с лидерами Китая (февраль) и СССР (май). Разрядка международной напряженности предоставила Вашингтону также возможность сконцентрироваться на завершении войны во Вьетнаме [см. подробнее: Согрин, 2015].

«Доктрина Киссинджера 2.0»

В период холодной войны и после нее в стратегическом треугольнике «США — СССР (Россия) — Китай» лидерство принадлежало Соединенным Штатам, так как КНР и Советский Союз стремились к улучшению отношений с Вашингтоном в качестве страховки от действий друг друга [см. подробнее: Jeannesson, 2002]. Как отмечает американский исследователь А. Стент, впоследствии (примерно с 2010-х годов) баланс сил изменился: ключевым бенефициаром сложившейся в треугольнике новой конфигурации стал Китай [Stent, 2016: 15].

Изменение расстановки сил в «треугольнике Киссинджера» 2.0 со смещением преимуществ от США в сторону КНР можно связать с последовательной деградацией отношений между Москвой и Вашингтоном⁶.

После окончания холодной войны американский истеблишмент, включая республиканцев, отошел от принципов реализма во внешней политике в сторону установок идеализма. Вашингтон проповедовал жесткий вариант мирового мессианства и лидерства с упором на силовые методы осуществления, как пишет В.В. Согрин, «мировой демократической революции» [Согрин, 2015: 478–479]. Такая смена внешнеполитической идеологии привела к закреплению триумфалистских настроений в американской дипломатии и появлению уверенности в том, что упадок России (и противников США в целом) необратим, поскольку выбранная Вашингтоном модель социально-экономического развития, подкрепленная силовым инструментарием, сама по себе выигрышна [Печатнов, 2022: 540–541]. Как следствие, происходила регулярная недооценка «российского»

⁶ Иванов И.С. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? // РСМД. 08.10.2012. Доступ: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniyakh-taktich/?ysclid=m7dccnlqn9555270829> (дата обращения: 10.10.2025).

полюса стратегического треугольника, акцент делался на постепенном сдерживании роста Китая вкупе с недостаточным вниманием к последствиям российско-китайского сближения для национальных интересов США.

Печально известная опечатка «перегрузка» (вместо «перезагрузка»), нанесенная на изготовленную в 2009 г., при президентах Д. Медведеве и Б. Обаме, кнопку, символизировавшую российско-американские отношения, оказалась пророческой. И хотя в тот период активизировался диалог по вопросам стратегической стабильности, включая выработку в сжатые сроки нового Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3)⁷, и правам человека, в целом «перезагрузка» не получила развития.

Поворотным моментом в дальнейшем отдалении России и США друг от друга в «треугольнике Киссинджера», вероятно, стали события весны 2014 г. и воссоединение Крыма с Российской Федерацией. Администрация Б. Обамы начала вводить антироссийские санкции, что подразумевало наложение на Москву многоуровневой системы рестрикций. Первые блокирующие меры со стороны Управления США по контролю над иностранными активами были введены 17 марта 2014 г. в рамках указов президента США № 13660 и № 13617⁸ [подробнее см.: Политика санкций..., 2023]. Торговые ограничения затронули экспорт и реэкспорт, а также передачу материалов и технологий компаниями, вошедшими в санкционный список [подробнее см.: Тимофеев, 2024].

⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.04.2010. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45179/ (дата обращения: 10.10.2025).

⁸ Executive Order 13617 — Blocking Property of the Government of the Russian Federation Relating to the Disposition of Highly Enriched Uranium Extracted from Nuclear Weapons // Federal Register. 25.06.2012. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2012/06/27/2012-15954/blocking-property-of-the-government-of-the-russian-federation-relating-to-the-disposition-of-highly> (accessed: 10.10.2025); Executive Order 13660 — Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. 06.03.2014. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2014/03/10/2014-05323/blocking-property-of-certain-persons-contributing-to-the-situation-in-ukraine> (accessed: 10.10.2025).

Помимо экономического давления на Россию США перешли к «дипломатической войне» против Москвы [подробнее см.: Лебедева, 2024]. В 2016 г., при Б. Обаме, начались высылки российских дипломатов и конфискация российской дипломатической собственности. Тогда же был наложен арест на два российских объекта дипломатической недвижимости: загородные дома отдыха в штатах Нью-Йорк и Мэриленд. В 2017 г. администрация Д. Трампа не стала пересматривать вопрос возвращения доступа к двум упомянутым загородным дипломатическим резиденциям России (так называемые посольские дачи); напротив, Госдепартамент потребовал от Москвы закрыть генеральное консульство в Сан-Франциско, торгпредство в Вашингтоне и его отделение в Нью-Йорке, генеральное консульство в Сиэттле, а также наложил арест на резиденции генеральных консулов в Сан-Франциско и Сиэттле⁹.

В 2018 г. продолжилось выдворение российских дипломатов (46 сотрудников посольства в Вашингтоне, 2 — генконсульства в Нью-Йорке, 12 — постоянного представительства РФ при ООН). В декабре 2020 г. США закрыли свое консульство во Владивостоке. В 2021 г. Дж. Байден продолжил курс на недружественные действия США по отношению к российским диппредставительствам¹⁰. 15 апреля 2021 г. Вашингтон выслал 10 российских дипломатов. Государственный департамент объяснил принятие этих мер реакцией на «вмешательство» России в президентские и парламентские выборы 2020 г. и «кибератаки на ряд американских министерств»¹¹.

Помимо прямых высылки в рамках так называемых дипломатических санкций Вашингтон использовал и косвенные методы сокращения дипломатического состава российских миссий, не затрагивавшие коллег из иных стран, включая Китай. В частности, в конце 2021 г. посол РФ в США А.И. Антонов обратил внимание на весьма изощренный способ постепенного сведения к минимуму

⁹ Nauert N. Achieving parity in diplomatic missions // U.S. Department of State (2017–2021). 31.08.2017. Available at: <https://2017-2021.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/08/273738.htm> (accessed: 10.10.2025).

¹⁰ Котляр М. Путин и Байден обсуждали в Женеве вопрос выдачи виз для дипломатов // РБК. 28.06.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2021/60da26209a794736915c2661> (дата обращения: 10.10.2025).

¹¹ U.S. imposes wide array of sanctions on Russia for 'malign' actions // Citizen Digital. 16.04.2021. Available at: <https://www.citizen.digital/article/u-s-imposes-wide-array-of-sanctions-on-russia-for-malign-actions-10159035> (accessed: 10.10.2025).

российского дипломатического присутствия в США¹². Оно осуществлялось путем отказа от продления дипломатических виз для действующих сотрудников российских дипломатических миссий (посольства в Вашингтоне, генеральных консульств в Нью-Йорке и Хьюстоне) и затягивания процесса оформления замен в рамках дипломатической ротации.

Российско-китайские отношения, напротив, в период раскола между РФ и США при администрациях Дж. Буша-мл., Б. Обамы, Д. Трампа (2017–2021) и Дж. Байдена (2021–2025) поступательно улучшались. Стороны регулярно заявляли об обновлении рекордов экономического сотрудничества и достижении новых исторических вершин двустороннего партнерства [см. подробнее: Салицкий, Семёнова, 2019]. В 1996 г. российско-китайские отношения приобрели статус стратегических, после чего их уровень регулярно повышался. Результатом долгого процесса сближения Москвы и Пекина стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 г.)¹³. Другим важным шагом было последующее подписание Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части (14 октября 2004 г.), которое формально закрепило отсутствие территориальных претензий друг к другу¹⁴. По сути, страны воплотили завет Дэн Сяопина времен советско-китайского саммита в Пекине 1989 г. о необходимости «закрыть прошлое» ради будущего сотрудничества [Зуенко, 2023].

Сегодня российско-китайские отношения носят характер всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, всту-

¹² Посол России в США заявил об искажении Госдепом фактов о выдворении российских дипломатов // Международная жизнь. 30.11.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/32649?ysclid=mecs9ad91i698653617> (дата обращения: 10.10.2025).

¹³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный интернет-портал правовой информации. Доступ: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=203000544&collection=1&ysclid=mecsbb86qn450206376 (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁴ Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.10.2004. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46132/ (дата обращения: 10.10.2025).

пающего в новую эпоху¹⁵. Россия и Китай продолжают укреплять связи в многосторонних форматах, включая ШОС, РИК и БРИКС [см. подробнее: Donaldson, Nadkarni, 2018]. Об уважении стратегического выбора и национальных интересов друг друга свидетельствует тот факт, что Китай воздержался во время голосования как по резолюции относительно Крыма в Совете Безопасности ООН (и регулярно воздерживается при обсуждении ежегодной профильной анти-российской резолюции Генеральной Ассамблеи), так и по проекту резолюции, не признающей референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях в 2022 г. [см. подробнее: Денисов, 2022].

Власти России и Китая оценивают состояние двусторонних отношений как находящееся на беспрецедентно высоком уровне. В 2023 г. двусторонняя торговля превысила отметку в 200 млрд долл. США и продолжает демонстрировать рост. Так, в 2024 г. товарооборот побил очередной рекорд и составил 245 млрд долл. США¹⁶. При этом двусторонние расчеты, особенно вследствие отключения российских экономических операторов от системы межбанковского обмена данными SWIFT, практически полностью были переведены в национальные валюты, доля которых достигла 95%¹⁷.

Важным успехом российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере стало заключенное в 2019 г. на 30 лет соглашение между ПАО «Газпром» и CNPC о купле-продаже газа по газопроводу «Сила Сибири» в объеме 38 млрд куб. м газа в год¹⁸. В феврале 2022 г. между Россией и Китаем был подписан контракт, предусматривавший поставку по дальневосточному маршруту в КНР до

¹⁵ О российско-китайских отношениях стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/?ysclid=mecsg3q510130853917 (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁶ Ткачев И., Гальчева А. Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году // РБК. 23.01.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁷ Лавров С.В. Россия и Китай: партнерство и дружба, закаленные временем // РСМД. 03.10.2024. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-kitay-partnerstvo-i-druzhiba-zakalennye-vremenem/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁸ Правосудов С. «Сила Сибири» выходит на максимум // Независимая газета. 07.10.2024. Доступ: https://www.ng.ru/ng_energiya/2024-10-07/14_9109_gas.html (дата обращения: 10.10.2025).

10 млрд куб. м газа в год в течение как минимум 25 лет. В августе 2024 г. «Газпром» начал строительство «дальневосточного маршрута», и ожидается, что поставки газа в Китай по новому газопроводу будут запущены в январе 2027 г.¹⁹ Продолжаются также переговоры о строительстве системы газопроводов «Сила Сибири 2» мощностью 50 млрд куб. м газа в год [см. подробнее: Гулиев и др., 2023].

После серьезной деградации российско-американских отношений в 2014 г. и в последующие годы, как замечает А. Стент, фактически отношения между Китаем, Россией и Соединенными Штатами стали напоминать разносторонний треугольник, в котором наибольшее расстояние наблюдается между Москвой и Вашингтоном, тогда как китайско-российские отношения являются наиболее близкими и стабильными. Благодаря этому Китай занял место США в качестве главного выгодоприобретателя баланса сил внутри «треугольника Киссинджера» [Stent, 2019]. Не в последнюю очередь это связано и с углублением экономической взаимозависимости Пекина и Вашингтона, способствовавшей росту обеих экономик после глобального финансового кризиса 2007–2008 гг., для обозначения которой часто используется концепция «Чимерика» (*Chimerica*).

Однако политика США при Б. Обаме ужесточилась в отношении не только России, но и Китая, хотя это и произошло гораздо позднее. Так, стратегия США, которую изначально администрация Б. Обамы определила как «возвращение в Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР) (*return to the Asia-Pacific*)²⁰, позднее была преобразована в «стратегический поворот к Азии» (*strategic pivot*)²¹ и, наконец, «ребалансировку» (*rebalancing*)²². Смещение акцентов отражало более долгосрочные планы США по сдерживанию роста КНР. Причиной

¹⁹ «Газпром» начнет поставки газа в КНР по дальневосточному маршруту в январе 2027 года // Интерфакс. 29.08.2024. Доступ: <https://www.interfax.ru/business/978732> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁰ The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration // Center for a New American Security. February 2009. Available at: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/hero/documents/CossaPatel_US_Asia-Pacific_February2009.pdf (accessed: 10.10.2025).

²¹ National Security Strategy // The White House (archives). May 2010. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 10.10.2025).

²² National Security Strategy // The White House (archives). February 2015. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.10.2025).

появления новой глобальной стратегии США для этого региона стал подъем Китая²³.

Одновременно с этим в 2008 г. Пекин провел Олимпийские игры, в 2009 г. — масштабный военный парад и в 2010 г. — Всемирную выставку. Последние два события были направлены на демонстрацию военных, технологических и экономических достижений КНР. В этих условиях, по мнению Т.А. Шаклеиной, постепенно внешнеполитическое руководство в Вашингтоне пришло к пониманию того, что вслед за производственным и экономическим лидерством следует военное превосходство, которое в свою очередь приводит к конкуренции за мировое господство [Шаклеина, 2020].

Полномасштабную торговую войну с КНР развязал уже Д. Трамп, который в 2018 г. начал последовательное введение пошлин на широкий спектр китайских товаров²⁴. Одновременно США стали использовать систему разного вида ограничений и для китайских IT-компаний (ZTE, Huawei, Sugon и др.) [Травкина, 2018].

Д. Трамп также продолжил намеченную Б. Обамой стратегию США по усилению своего присутствия в Азии. Академик А.В. Торкунов отмечает, что администрация Д. Трампа при формулировании своей стратегии в АТР в качестве главных задач поставила закрепление неоспоримого лидерства Соединенных Штатов, «сдерживание» быстро растущего Китая, сумевшего потеснить США, а также сплочение американских союзников²⁵.

В свою очередь этому сопутствовало ухудшение дипломатических отношений между странами. Д. Трамп регулярно обвинял Китай в краже американской интеллектуальной собственности, шпионаже и «создании» COVID-19²⁶. Итогом стало закрытие генконсульства Китая в Хьюстоне, США. В ответ китайские власти

²³ Canrong J. How America's relationship with China changed under Obama // World Economic Forum. 14.12.2016. Available at: <https://www.weforum.org/stories/2016/12/america-china-relationship/> (accessed: 10.10.2025).

²⁴ Fact sheet: President Donald J. Trump imposes tariffs on imports from Canada, Mexico and China // The White House. 01.02.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-imposes-tariffs-on-imports-from-canada-mexico-and-china/> (accessed: 10.10.2025).

²⁵ Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике. 21.09.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha/> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁶ Lab-leak: The true origins of COVID-19 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/lab-leak-true-origins-of-covid-19/> (accessed: 10.10.2025).

объявили о закрытии генконсульства США в Чэнду, которое начало работу еще в 1985 г., в период наибольшего расцвета отношений между странами²⁷.

Дж. Байден продолжил курс предыдущих администраций на противостояние росту Китая, который в 2021 г. официально сменил Россию в числе главных угроз США²⁸. В мае 2024 г. глава Белого дома повысил пошлины на китайские электромобили вчетверо — до 102,5%, а также ввел тарифы в размере 25% на китайские батареи для электромобилей и сырье для их производства, полупроводники, некоторые виды стали, алюминий и пр.²⁹

Таким образом, к 2025 г. «треугольник Киссинджера» изменился настолько, что бенефициары от баланса сил внутри него стали неочевидны. Если до 2016 г. Пекин выигрывал от ухудшения отношений США и России, то торговая война, начатая Д. Трампом, и политика сдерживания Китая, ставшая лейтмотивом всех последних администраций президентов США (Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена), фактически свели на нет осторожные попытки китайской дипломатии лавировать во избежание конфронтации с Западом. Ответной реакцией стал переход Пекина к гораздо более настойчивой, напористой политике [см. подробнее: Rozman, 2022]. Примерно с 2020 г. с подачи китайского таблоида «Global Times» для ее обозначения стал широко использоваться образ «дипломатии волков-воинов»³⁰.

«Доктрина Киссинджера 3.0»: новации и перспективы

С возвращением администрации Д. Трампа в Белый дом и первыми предпринятыми его администрацией шагами, особенно в отношении традиционных союзников, прежде всего ЕС, как по экономическим, так и по внешнеполитическим вопросам в журна-

²⁷ Китайские власти закрыли генконсульство США в Чэнду // РИА Новости. 27.07.2020. Доступ: <https://ria.ru/20200727/1574957079.html> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁸ Строкань С. Америка переизбрала врага номер один: новый президент США продолжит глобальный поход против Китая // Коммерсантъ. 20.01.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4654278> (дата обращения: 10.10.2025).

²⁹ Fact sheet: President Donald J. Trump continues the suspension of the heightened tariffs on China // The White House. 11.08.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/08/fact-sheet-president-donald-j-trump-continues-the-suspension-of-the-heightened-tariffs-on-china/> (accessed: 10.10.2025).

³⁰ Жирухина Е., Бочарова А. Бейтс Гилл: дипломатия «волков-воинов» в Китае — работает ли она? // Россия в глобальной политике. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-volkov-voinov/> (дата обращения: 10.10.2025).

листной и экспертной среде всё чаще говорят о расколе в трансатлантическом единстве³¹. Особенно ярко на дискурсивном уровне это проявилось во время выступления вице-президента США Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 г.³² На этом фоне свежие инициативы новой администрации по нормализации американо-российских отношений, по оценкам «Financial Times», «ужаснули европейские страны»³³.

Администрация Д. Трампа даже задумалась о частичном смягчении санкционного режима против России в случае достижения мирного урегулирования российско-украинского конфликта³⁴. Однако переоценивать перспективы скорого улучшения отношений Москвы и Вашингтона, которые, как отмечал еще в 2021 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров, «достигли дна»³⁵, преждевременно. Как подчеркивает Ф.А. Лукьянов, комментируя первый раунд переговоров РФ и США в Эр-Рияде, «после конфетно-букетного периода наступают будни <...> неизбежны серьезные разочарования и с той стороны, и с этой»³⁶.

Тем не менее одним из основных вопросов, стоявших на повестке дня на переговорах в Эр-Рияде, было восстановление имевшегося ранее уровня дипломатических отношений, в том числе возвращение российской дипломатической собственности, конфискованной властями США. Российская сторона, по словам С.В. Лаврова, акценти-

³¹ Foy H., Miller Ch., Schwartz F. Europe left reeling by Trump over Ukraine peace talks with Russia // Financial Times. 12.02.2025. Available at: <https://www.ft.com/content/f7271853-48a0-4865-ac23-0cc4d87c9fb3> (accessed: 10.10.2025).

³² Лукьянов Ф.А. Последнее сражение холодной войны? // Россия в глобальной политике. 16.02.2025. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/srazhenie-lukyanov/> (дата обращения: 10.10.2025).

³³ Seddon M., Schwartz F. Trump's rush to strike a deal on Ukraine hands Putin the advantage // Financial Times. 19.02.2025. Available at: <https://www.ft.com/content/892fa330-f2f0-498b-a81b-4a956f059d38> (accessed: 10.10.2025).

³⁴ Drozdak N., Nardilli A., Flatley D. Rubio says sanctions stay for now as Trump eyes Putin summit // Bloomberg. 19.02.2025. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-18/rubio-says-us-won-t-lift-russia-sanctions-before-ukraine-deal> (accessed: 10.10.2025).

³⁵ Лавров заявил, что конфронтация России и США «достигла дна» // ТАСС. 01.04.2021. Доступ: <https://tass.ru/politika/11050021> (дата обращения: 10.10.2025).

³⁶ Лукьянов Ф.А. Первое свидание, опасная игра и два плохих пути: как пройдут переговоры России и США // Россия в глобальной политике. 15.02.2025. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/pervoe-svidanie-rossii-i-ssha/> (дата обращения: 10.10.2025).

ровала, что для возобновления всеобъемлющего диалога необходимо наладить нормальную работу дипломатических представительств. Министр уточнил, что стороны «говорили не о нормализации дипотношений — они существуют. Мы говорили о снятии искусственных препятствий, которые серьезнейшим образом осложняют повседневное функционирование наших посольств, генеральных консульств»³⁷. В свою очередь госсекретарь США Марко Рубио по итогам переговоров в Эр-Рияде заявил, что РФ и США договорились восстановить прежнюю численность дипломатического состава посольств в Москве и Вашингтоне³⁸.

Во многом этот позитивный импульс стал заложником украинского конфликта. Подтверждает этот тезис и российско-американский саммит в Анкоридже 15 августа 2025 г. С одной стороны, сам факт организации подобной встречи в условиях катастрофической деградации двусторонних отношений свидетельствует о повышенном внимании американской стороны к России и попытках решить «украинский кризис», чтобы впоследствии сосредоточиться на противостоянии Китаю, о чем неоднократно заявляли представители администрации Д. Трампа. С другой стороны, отсутствие прорывных итогов и дальнейшее ухудшение российско-американских отношений (в частности, появившиеся в публичном поле дискуссии о предоставлении Киеву ракет большой дальности «Tomahawk» и активизация обмена разведывательной информацией) свидетельствуют о меньшем приоритете «китайской угрозы» для Вашингтона по сравнению с рисками затягивания конфликта на Украине или «победы» в нем Москвы.

Однако, как отмечают некоторые исследователи, в отношении Китая Д. Трамп не сильно отходит от жесткой риторики, характерной для его первого президентского срока [Труш, 2023]. Во время предвыборной кампании он угрожал введением 60% пошлин на весь импорт в КНР³⁹. Китайские эксперты придерживаются песси-

³⁷ Лавров: Россия подняла вопрос о своей дипсобственности в США // ТАСС. 19.02.2025. Доступ: <https://tass.ru/politika/23186841> (дата обращения: 10.10.2025).

³⁸ Secretary Rubio's meeting with Russian foreign minister Lavrov // U.S. Embassy & Consulates in Russia. 18.02.2025. Available at: <https://ru.usembassy.gov/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov/> (accessed: 10.10.2025).

³⁹ Donald Trump's 60% tariff on Chinese imports // Committee for a Responsible Budget. 10.04.2024. Available at: <https://www.crfb.org/blogs/donald-trumps-60-tariff-chinese-imports> (accessed: 10.10.2025).

мистического взгляда на китайско-американские отношения при новом сроке Д. Трампа, особенно если учитывать, что ключевые члены его команды, в частности госсекретарь США М. Рубио и советник по национальной безопасности М. Уолц, зарекомендовали себя в качестве ярых противников Китая. Ожидается, что Д. Трамп займет более агрессивную позицию по продвижению интересов США в рамках их индо-тихоокеанской стратегии и сдерживанию Пекина, в том числе во взаимодействии с ключевыми партнерами в регионе в формате Четырёхстороннего диалога по безопасности (Quad — Индия, США, Австралия и Япония), который был возрожден после многих лет бездействия еще во время первого срока Д. Трампа в 2017 г. [см. подробнее: Мартынова, 2022].

Помимо этого именно в период президентства Д. Трампа американцы предприняли первые реальные, а не декларативные шаги по сдерживанию Китая, включая введение новых пошлин. Пекин, несмотря даже на российско-украинский кризис, официально остается самой большой угрозой безопасности⁴⁰ для Соединенных Штатов, оказывающей прямое влияние на военное планирование в Вашингтоне [см. подробнее: Бубнова, 2021]. В то же время в том, что касается российско-американских отношений, С.В. Лавров, выступая в Государственной Думе в феврале 2025 г., отметил: «...хотя национальные интересы России и США <...> никогда не совпадут полностью, при их совпадении стороны должны извлекать выгоду»⁴¹.

Как следствие, принимая во внимание достигнутый высокий уровень российско-китайских связей, в соответствии с официальной позицией российской дипломатии Москву можно рассматривать в качестве возможного балансира в рамках нового «треугольника Киссинджера». В пользу этого заключения говорят следующие тенденции:

– формирование в целом благоприятного фона по итогам российско-американских переговоров в Эр-Рияде, а также обозначившееся стремление обеих сторон к улучшению дипломатических отноше-

⁴⁰ National Security Strategy // Naval Postgraduate School. October 2022. Available at: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (accessed: 10.10.2025).

⁴¹ Романов Р., Кулагин В. О чем Сергей Лавров говорил в Думе после переговоров с США в Эр-Рияде // Ведомости. 19.02.2025. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/02/19/1093131-o-chem-sergei-lavrov> (дата обращения: 10.10.2025).

ний, которые могут стать прологом к наращиванию взаимодействия и в других сферах;

– высокий потенциал российско-китайского сотрудничества: общность позиций по вопросам международной повестки и активное взаимодействие как в двустороннем, так и в многостороннем форматах, включая БРИКС, ШОС, сопряжение китайской инициативы «Один пояс — один путь» и интеграционного потенциала Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др.;

– возобновление политики Д. Трампа по сдерживанию Китая, «увеличение дистанции» между странами.

* * *

Идея «доктрины Киссинджера» предполагает, что одна из «вершин» в треугольнике выигрывает от противостояния двух других. Изначально речь шла о Вашингтоне, развивавшем отношения и с Москвой, и с Пекином в условиях балансирования двух последних на грани вооруженного конфликта. Однако анализ эволюции взаимоотношений внутри треугольника «Москва — Вашингтон — Пекин» с 1970-х годов до сегодняшнего дня демонстрирует структурную перестройку архитектоники мирового порядка, отличающегося повышением сложности межстрановых взаимодействий. В отличие от 1970-х годов, США уже более не могут претендовать на роль бенефициара в треугольнике «Россия — Китай — США». В «доктрине Киссинджера 2.0» эта роль, хотя и с некоторыми оговорками, перешла к Китаю, получавшему дивиденды от сотрудничества с Россией и США при постепенной деградации двусторонних отношений Москвы и Вашингтона.

Нового издания «треугольной дипломатии» Г. Киссинджера, выгодного для США, скорее всего, как отмечают исследователи, больше уже не будет, так как и Россия, и Китай настолько высоко ценят свои партнерские отношения, что вряд ли встанут на сторону Вашингтона [Trenin, 2020]. С учетом того, что Пекин определен в качестве главной стратегической угрозы США в долгосрочной перспективе, он также не может претендовать на роль главного выгодоприобретателя от любой конфигурации сил внутри триангулярной системы упомянутого взаимодействия.

В то же время прослеживается тенденция к тому, что Россия может стать «балансиром» данной структуры, получив от этого статуса дополнительные выгоды. Складывающаяся в результате

специальной военной операции России на Украине и пересмотра Д. Трампом стратегии глобального присутствия США международная обстановка, а также изученный и проанализированный российской дипломатией опыт взаимодействия как с Вашингтоном, так и с Пекином позволяют Москве рассчитывать на получение политических и экономических дивидендов во взаимодействии с обеими сторонами, выигрывая от накопившегося в американо-китайских отношениях конфликтного потенциала, а в дальнейшем могут открыть возможности для разрешения «украинского кризиса» и восстановления великодержавного диалога по вопросам глобальной стратегической стабильности, в том числе в сфере контроля над ядерными стратегическими вооружениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.
2. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017.
3. Богатуров А.Д. Попытка перестроить мир «по-американски» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 49–64. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64.
4. Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2021.
5. Воробьёва Т.А., Юнгблуд В.Т. Взаимоотношения в треугольнике США — СССР — КНР в конце периода разрядки международной напряженности (1977–1980 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82.
6. Воскресенский А.Д. Реализация «китайской мечты» в период «эпохи Си Цзиньпина»: что ожидать России? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-5-16.
7. Гулиев И.А., Лобов Д.С., Афанасьева К.Д. и др. Стратегические приоритеты инновационного развития нефтегазовой отрасли России с учетом международного опыта // Управление риском. 2023. № 4 (108). С. 44–50.
8. Дегтерёв Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2.

9. Денисов А.И. Россия и Китай: добрые соседи и близкие партнеры (заметки дипломата) // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 190–194.

10. Зуенко И.Ю. Российско-китайское сближение в контексте соперничества КНР и США: поиск отправной точки и оценка перспектив // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 11. С. 24–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34.

11. Лебедева О.В. Дипломатическая служба России. История и современность. М.: Аспект Пресс, 2024.

12. Мартынова Е.С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 3. С. 148–165. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09.

13. Панов А.Н. Новые тенденции в развитии международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 8. С. 80–98. DOI: 10.31857/S2686673023080084.

14. Печатнов В.О. История и политика. М.: Аспект Пресс, 2022.

15. Печатнов В.О. О некоторых константах взаимного восприятия России/СССР и США // Американский ежегодник. 2020. № 2020. С. 13–20.

16. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2016.

17. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / Сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая. М.: НП РСМД, 2023.

18. Пупышев С.В., Райкова В.А. Московский саммит 1972 г. и его значение для политики разрядки // Метаморфозы истории. 2020. № 17. С. 108–124.

19. Россия и США в XXI веке: особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаكلةиной. М.: Аспект Пресс, 2020.

20. Салицкий А.И., Семёнова Н.К. Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/ 2542-0240-2019-12-1-117-132.

21. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Весь мир, 2015.

22. Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.

23. Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018.

24. Треугольник Россия — Китай — США в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

25. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.

26. Труш С.М. Политика Д. Трампа в отношении Китая: мотивация, эволюция, итоги // Российское китаеведение. 2023. № 3 (4). С. 69–92. DOI: 10.48647/ICCA.2023.60.79.005.

27. Хуашэн Ч. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017.

28. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка: результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2020. Т. 17. № 4. С. 36–48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3.

29. Dittmer L. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis // World Politics. 1981. Vol. 33. No. 4. P. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.

30. Donaldson R.H., Nadkarni V. The foreign policy of Russia: Changing systems, enduring interests. New York: Routledge, 2018.

31. Jeannesson S. La guerre froide. Paris: La Découverte, 2002.

32. Kissinger H. On China. New York: Penguin Press, 2011.

33. Kissinger H. The White House years. Boston: Little, Brown and Company, 1979.

34. Lyon A. US politics and the United Nations: A tale of dysfunctional dynamics. London: Lynne Reiner Publisher, 2016.

35. Ross R.S. China learns to compromise: Change in U.S.–China relations, 1982–1984 // The China Quarterly. 1991. No. 128. P. 742–773.

36. Rozman G. Strategic triangles reshaping international relations in East Asia. Abingdon: Routledge, 2022.

37. Stent A. Putin's world: Russia against the West and with the rest. New York: Twelve, 2019.

38. Stent A. Russia, China, and the West after Crimea. Washington, D.C.: Transatlantic Academy, 2016. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/Stent_RussiaChina_May16_complete.pdf (accessed: 10.10.2025).

39. The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union / Ed. by I. Kim. New York: Paragon House, 1987.

40. Trenin D.V. U.S. elections and Russia–U.S. relations // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. No. 1 (69). P. 146–156. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-146-156.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific. History and theory of international relations in Eastern Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow, Konvert — MONF Publ. (In Russ.)

2. Bogaturov A.D. 2017. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [International relations and Russia's foreign policy]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

3. Bogaturov A.D. 2021. Popytka perestroit' mir 'po-amerikanski' [An attempt to rebuild the world 'in the American way']. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 14, no. 5, pp. 49–64. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-49-64. (In Russ.)

4. Bubnova N.I. 2021. *Voenno-politicheskii kurs SShA vo vtorom desyati-letii XXI veka* [The U.S. military and political course in the 2020s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

5. Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. Vzaimootnosheniya v treugol'nike SShA — SSSR — KNR v kontse perioda razryadki mezhdunarodnoi napryazhenosti (1977–1980 gg.) [Relations within 'triangle' USA — USSR — China at the end of détente (1977–1980)]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (64), pp. 59–82. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-59-82. (In Russ.)

6. Voskresenskii A.D. 2019. Realizatsiya 'kitaiskoi mechty' v period 'epokhi Si Tszin'pina': chto ozhidat' Rossii? [Realization of the 'Chinese dream' in Xi Jinping's era: What should Russia expect?]. *World Economics and International Relations*, vol. 63, no. 10, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-5-16. (In Russ.)

7. Guliev I.A., Lobov D.S., Afanas'eva K.D. et al. 2023. Strategicheskie prioritety innovatsionnogo razvitiya neftegazovoi otrasli Rossii s uchetom mezhdunarodnogo opyta [Strategic priorities for the innovative development of the oil and gas industry in Russia, taking into account international experience]. *Upravlenie riskom*, no. 4 (108), pp. 44–50. (In Russ.)

8. Degterev D.A., Ramich M.S. 2021. Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoi politike [Strategic triangles and balancing in world politics]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 23–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-2. (In Russ.)

9. Denisov A.I. 2022. Rossiya i Kitai: dobrye sosed i blizkie partnery (zametki diplomata) [Russia and China: Good neighbors and close partners (diplomat's notes)]. *Rossiiskoe kitaevedenie*, no. 1, pp. 190–194. (In Russ.)

10. Zuenko I.Yu. 2023. Rossiisko-kitaiskoe sblizhenie v kontekste sopernichestva KNR i SShA: poisk otpravnoi točki i otsenka perspektiv [Russia-China partnership in the context of US-China rivalry: Search of starting point and assessment of prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 11, pp. 24–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34. (In Russ.)

11. Lebedeva O.V. 2024. *Diplomaticheskaya sluzhba Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Russia's diplomatic service. History and modernity]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

12. Martynova E.S. 2022. Al'yansy QUAD i AUKUS i balans sil v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione: perspektivy dlya Rossii, Kitaya i ASEAN [QUAD and

AUKUS and the balance of power in the Asia-Pacific region: Prospects for Russia, China and ASEAN]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 3, pp. 148–165. DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09. (In Russ.)

13. Panov A.N. 2023. Novye tendentsii v razvitii mezhdunarodnykh otnoshenii v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione [The new tendencies in the development of international relations in the Asia-Pacific region]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 8, pp. 80–98. DOI: 10.31857/S2686673023080084. (In Russ.)

14. Pechatnov V.O. 2022. *Istoriya i politika* [History and politics]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

15. Pechatnov V.O. 2020. O nekotorykh konstantakh vzaimnogo vospriyatiya Rossii/SSSR i SShA [On some constants of mutual perception of Russia/the USSR and the USA]. *Amerikanskii ezhegodnik*, no. 2020, pp. 13–20. (In Russ.)

16. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2016. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of U.S. foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

17. Timofeev I.N., Chupriyanova P.I., Trotskaya K.V. (eds.). 2023. *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty* [Sanctions policy: Goals, strategies, tools]. Moscow, NP RSMD Publ. (In Russ.)

18. Pupyshchev S.V., Raikova V.A. 2020. Moskovskii sammit 1972 g. i ego znachenie dlya politiki razryadki [The Moscow summit of 1972 and its significance for détente]. *Metamorfozy istorii*, no. 17, pp. 108–124. (In Russ.)

19. Shakleina T.A. (ed.). 2020. *Rossiia i SShA v XXI veke: osobennosti otnoshenii* [Russia and the USA in the 21st century: Specific features of relations]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

20. Salitskii A.I., Semenova N.K. 2019. Pod”em Kitaya i rossiisko-kitaiskoe sblizhenie [Rise of China and Russian-Chinese rapprochement]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 1, pp. 117–132. DOI: 1023932/ 2542-0240-2019-12-1-117-132. (In Russ.)

21. Sogrin V.V. 2015. *SShA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya* [The USA in the 20th–21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, Ves’ mir Publ. (In Russ.)

22. Timofeev I.N. 2024. Vtorichnye sanktsii SShA na rossiiskom napravlenii: opyt empiricheskogo analiza [The U.S. secondary sanctions related to Russia: Empirical analysis]. *Comparative Politics Russia*, vol. 15, no. 1, pp. 95–114. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114. (In Russ.)

23. Travkina N.M. 2018. *SShA: menyayushchiisya algoritm razvitiya* [USA: A changing development algorithm]. Moscow, Ves’ mir Publ. (In Russ.)

24. Amirov V.B., Mikheev V.V. (eds.). 2009. *Treugol’nik Rossiya–Kitai–SShA v ATR: faktory neopredelennosti* [Uncertainties of the Russia–China–USA triangle in the Asia-Pacific]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

25. Trofimenko G.A. 1976. *SShA: politika, voyna, ideologiya* [USA: Politics, war, ideology]. Moscow, Mysl’ Publ. (In Russ.)

26. Trush S.M. 2023. Politika D. Trampa v otnoshenii Kitaya: motivatsiya, evolyutsiya, itogi [Trump's China policy: Motivation, evolution, outcomes]. *Rossiiskoe kitaevvedenie*, no. 3 (4), pp. 69–92. DOI: 10.48647/ICCA.2023.60.79.005. (In Russ.)
27. Khuashen Ch. 2019. 'Novyi treugol'nik' v otnosheniyakh mezhdu Kitaem, Rossiei i SShA ['New triangle' in relations between China, Russia and the USA]. *Comparative Politics Russia*, vol. 10, no. 2, pp. 69–85. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10017. (In Russ.)
28. Shakleina T.A. 2020. 'Dilemma Ameriki' v formirovanii sovremennogo mirovogo poryadka: rezul'taty deistvii SShA i formirovanie 'evraziiskogo tsentra' ['American dilemma' in the forging of a new world order: Results of the US policies and the rise of the 'Eurasian center']. *International Trends*, vol. 17, no. 4, pp. 36–48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3. (In Russ.)
29. Dittmer L. 1981. The strategic triangle: An elementary game-theoretical analysis. *World Politics*, vol. 33, no. 4, pp. 485–515. DOI: 10.2307/2010133.
30. Donaldson R.H., Nadkarni V. 2018. *The foreign policy of Russia: Changing systems, enduring interests*. New York, Routledge.
31. Jeannesson S. 2002. *La guerre froide*. Paris, La Découverte.
32. Kissinger H. 2011. *On China*. New York, Penguin Press.
33. Kissinger H. 1979. *The White House years*. Boston, Little, Brown and Company.
34. Lyon A. 2016. *US politics and the United Nations: A tale of dysfunctional dynamics*. London, Lynne Reiner Publisher.
35. Ross R.S. 1991. China learns to compromise: Change in U.S.–China relations, 1982–1984. *The China Quarterly*, no. 128, pp. 742–773.
36. Rozman G. 2022. *Strategic triangles reshaping international relations in East Asia*. Abingdon, Routledge.
37. Stent A. 2019. *Putin's world: Russia against the West and with the rest*. New York, Twelve.
38. Stent A. 2016. *Russia, China, and the West after Crimea*. Washington, D.C., Transatlantic Academy. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/Stent_RussiaChina_May16_complete.pdf (accessed: 10.10.2025).
39. Kim I. (ed.). 1987. *The strategic triangle: China, the United States, and the Soviet Union*. New York, Paragon House.
40. Trenin D.V. 2020. U.S. elections and Russia–U.S. relations. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1 (69), pp. 146–156. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-146-156.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 04.10.2025;
принята к публикации 01.11.2025

The paper was submitted 10.04.2025;
approved after reviewing 04.10.2025;
accepted for publication 01.11.2025